

Если раньше виконт Линли был известен только как племянник королевы, то теперь его имя входит в десятку лучших дизайнеров Англии.

ВИКОНТ ЛИНЛИ, ИЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

с.86

СНОБ. ЛОНДОН.

МАРТ 2014

САМЫЙ АРИСТОКРАТИЧНЫЙ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ДИЗАЙНЕРОВ НАУЧИТ РУССКИХ,
КАК ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ ИДЕАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ДОМ.

текст ~ Сергей Николаевич

КАЖДЫЙ РАЗ НЕПОНЯТНО, как следует обращаться. Так же было, когда я впервые пришел в студию к его отцу в Launceston Place. «Сэр» – слишком торжественно, «лорд» – глуповато, «мистер» – наверное, обидно. Ведь титулованные особы, отстоящие от трона на сколько-то там ступеней, никакие не мистеры и не миссис. На то им и титул пожалован, чтобы отличаться от простых подданных Ее Величества.

«Тони», – сказал лорд Сноудон и протянул мне руку, просясь линялой голубизной когда-то неотразимых глаз. «Можете звать меня Дейв», –

сдержанно поприветствовал меня его сын виконт Линли. Между этими двумя рукопожатиями прошло десять лет, почти как у Александра Дюма.

На самом деле это особое чувство, когда впервые встречаешь человека, про которого много чего знаешь, с одним из родителей которого давно знаком. Кто все эти годы присутствовал на периферии разных жизненных путей и сюжетов, а потом вдруг взял и материализовался в виде неулыбчивого джентльмена с редующими волосами, в мешковатом костюме и водолазке. Да, это он, единственный сын покойной принцессы Маргарет и зна-

менитого фотографа, лорда Сноудона, племянник королевы Елизаветы II, занимающий пятнадцатое место по близости к королевскому престолу.

Впрочем, ни он, ни члены его семьи не вписаны в цивилизный лист, а значит, от английских налогоплательщиков не получают ни пенни. С одной стороны, это, конечно, не очень здорово – деньги нужны всегда. С другой стороны, это освобождает виконта от утомительных представительских обязанностей, включающих непереносимое посещение разных хосписов, казарм, школ, присутствие на благотворительных ужинах и дет-

ских утренниках, открытие памятников, спуск на воду субмарин и т. д.

С самого начала он отказался стать еще одним служащим «фирмы» (так супруг Елизаветы II герцог Эдинбургский называет королевскую семью). Был ли это сознательный выбор или так сложились обстоятельства, сам Линли ни разу на эту тему не распространялся. Зато он не без гордости цитирует слова своей матери, принцессы Маргарет, которая однажды сказала: «У меня дети совсем не королевские, просто так случилось, что их родная тетька – королева». Наверное, тут многое идет от родителей, от их любви к искусству, от неистребимого чувства свободы и нежелания подчиняться дворцовому этикету. И Маргарет, и Тони были людьми увлекающимися, с амбициями, страстями, с бурной личной жизнью. Они не боялись рисковать, не боялись вызывать на себя гнев и раздражение английского истеблишмента. И даже их развод в 1978 году, так долго казавшийся чем-то совершенно непредставимым для королевской семьи, положил начало целой серии бракоразводных процессов, под знаком которых пройдут для Виндзоров все девяностые годы.

Поразительно, что, несмотря на эту травматичную историю, дети у Сноудонов получились суперположительными, правильными, разумными. И сам Линли, и его сестра леди Сара Чатто – идеальные семьянины с кучей разновозрастных отпрысков, ведущие трудовую, скромную жизнь, никак не желая выделяться на фоне обычных лондонцев среднего класса. Ежедневные закупки в супермаркете, уик-энды в загородном маленьком коттедже в Daylesford в Глостере, велосипед как самый лучший транспорт и легкий ланч за пятнадцать фунтов в буфете Closerie отеля Claridge's. Но, когда мы заговариваем с Линли о подлинном и показном люксе, он почему-то вспоминает не яхты и не дворцы, в которых ему довелось жить, а еженедельные закупки в Национальную картинную галерею вместе с матерью и сестрой.

– Мы выбирали каждый раз какую-то одну картину и проводили возле нее около часа. Только одну! Никогда больше. Мама шепотом рассказывала нам о художнике, обращала внимание

на разные малоприметные детали, объясняла историю сюжета. Она хотела, чтобы мы открыли для себя другой мир. Так благодаря ей в нашу жизнь вошли Леонардо и Рембрандт, Тициан и Гейнсборо, став нашими постоянными спутниками. А вот отец, несмотря на то что имел к творчеству самое непосредственное отношение, почему-то старался больше

просветить меня по части практических дел: например, как разобрать и починить карбюратор. И я действительно теперь без всякого страха могу открыть крышку любого капота. Папа обожал гоночные машины и хотел, чтобы я поделился с ним эту страсть.

Но, похоже, старания лорда Сноудона тут оказались напрасны. В пристрастии к дорогим авто его сын замечен

1.

2.

3.

4.

5.

1. Вместе с королевой-матерью, сестрой Сарой и двоюродным братом принцем Эдвардом, 1971. 2. Королевские крестины. Юный виконт с родителями и бабушкой, 1961. 3. Самый привычный вид транспорта в Лондоне. 4. С принцессой Уэльской Дианой и королевой Елизаветой, 1987. 5. На малолитражном «фиате» в Букингемский дворец, декабрь 2013 года.

ФОТО: АРИВ ПРЕСС-СЛУЖБЫ (3), GETTY IMAGES (2), PHOTOS / IRTASS, ALAMY / IRTASS

не был. И даже наоборот. Недавно британские таблоиды разместили на первых полосах фотографии, где Линли рулит малолитражным «Фиатом-500», а на пассажирском месте сидит его десятилетняя дочь Маргарет. Оба были приглашены к королеве на предпразднический ужин.

– В Букингемском дворце вечная проблема со стоянкой, – объясняет свой демарш Линли, – а так, по крайней мере, меня никто не упрекнет, что я занимаю слишком много места.

Он действительно знает свое место. И не претендует на чужие. Его постоянное амплуа – аристократ-трудяга, виконт-краснодеревщик. Никто из его предков и сородичей не смог бы похвастаться таким умением орудовать рубанком, разбираться в драгоценных породах древесины, знать все тонкости маркетри. Он не сразу пришел к этому. После Итона были какие-то смутные мечты о том, чтобы попробовать себя в качестве свободного художника, но здравый смысл и аристократические гены удержали его от бессмысленных метаний. Наверное, с самого начала в нем жила жажда очень конкретного и очень мужского дела, которое бы захватило его целиком, позволив освободиться от бремени привычных предрассудков.

Кто-то поспешил усмотреть в этом выборе извечную британскую эксцентричность, а кто-то – вызов британскому истеблишменту. Кстати, родители от его решения были не в восторге и немного успокоились только тогда, когда прочитали в The Times мнение бывшего директора Музея Виктории и Альберта сэра Роя Стронга, назвавшего мебель Линли «антиквариатом будущего». Но, по словам виконта, самую большую поддержку на заре своей карьеры краснодеревщика он нашел в лице своей бабушки, королевы-матери Елизаветы.

– У нее в Кларенс-хаусе было много вещей Linley Design – рамки, шкатулки, хьюмидоры. Она за них платила сама. У нее был безупречный вкус и огромный опыт коллекционирования. Помню, как она учила меня проверять качество лакового покрытия. Для этого она прижимала палец к поверхности столешницы, и если след оставался, значит, лак был нека-

чественный или положен плохо. Эти секреты уже почти ушли вместе с поколением, которое знало, что такое подлинное качество жизни. И может быть, одну из задач своей компании я вижу в том, чтобы поддерживать тот уровень мастерства, который всегда составлял славу британских ремесленников.

При этом самого Линли не устраивает только роль старательного копииста. Из прошлого он берет лучшее, добавляя к наследию предшественников современные технологии. Его любимый стиль – ар-деко. Однотонные, массивные, устойчивые вещи в сочетании с просторным, пустоватым пространством, выдержанным в нейтральной бежево-песочной гамме цвета морских дюн. В этом духе он оформил дома телезвезды Опры Уинфри, модельера Каролины Эрреры, парфюмера Джо Малон, Мика Джаггера и других знаменитостей, не устоявших перед его обаянием и красноречием. Среди клиентов Linley Design есть и русские, и немало. Но по понятным причинам виконт не спешит обнародовать их имена. Известно, что до недавнего времени в совет директоров Linley Design входил экс-сенатор от Тувы, банкир Сергей Пугачев вместе с сыновьями Александром и Виктором. Как злословили таблоиды, кресло акционера у Linley – самый короткий путь в высшее общество Великобритании. Но, похоже, дальше угодий Виндзорского парка, куда однажды виконт пригласил своего российского партнера пострелять фазанов, дело не пошло. К тому же после банкротства Межпромбанка мебельный бизнес Пугачеву был явно не по карману. В 2011 году он вышел из совета директоров Linley Design & Co.

Но виконт без поддержки не остался. Довольно быстро он нашел себе другого партнера в лице владельца группы Edmiston & Co, специализирующейся на продаже и аренде яхт. Отныне одним из приоритетных направлений David Linley & Co станут яхтенные интерьеры. Впрочем, русские связи Линли не спешит обрывать. Теперь у него на очереди Knightsbridge Private Park – первый жилой комплекс в Москве, выдержан-

1. Проект жилого комплекса Knightsbridge Private Park. 2. Панель с видом Лондона Skyline Panel, инкрустация шпоном. 3. Кофейный столик из коллекции Helix. 4. Интерьер сьюта в лондонском отеле Claridge's.

KNIGHTSBRIDGE PRIVATE PARK – ПЕРВЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС В МОСКВЕ, ГДЕ ДИЗАЙН LINLEY ОПРЕДЕЛИТ СТИЛЬ ВСЕХ ИНТЕРЬЕРОВ.

ный в стиле самых респектабельных и престижных кварталов Лондона. Маленькая Белгравия с большим (около двух гектаров!) внутренним парком. Здесь также планируются закрытый ресторан и частный детский сад, в котором будут работать английские гувернеры. Линли взялся отвечать за дизайн общественных зон – от центрального ресепшена до лифтовых холлов, а также он намерен предложить несколько вариантов оформления террасных квартир и пентхаусов.

Первое впечатление от эскизов, которые мне продемонстрировала PR-служба девелоперской компании «Реставрация Н», отвечающая за этот проект, – торжество белого и серого цвета с осторожными цветными акцентами. Тяжеловесная классика,

3.

которую «английской» можно называть с большой натяжкой. Скорее это некий усредненный космополитичный интерьерный стиль, довольно популярный у дизайнеров пятизвездных отелей и платежеспособной публики, не обремененной семейными антиквариатом и сентиментальными воспоминаниями. У Линли все продумано в расчете на долгую счастливую жизнь, которую ты придумал сам. Впрочем, пока это проект, белоснежная мечта, к которой виконт намерен подключить лучших лондонских строителей, мебельщиков.

– Это не может и не должен быть Лондон. Все-таки это Москва, Хамовники... Здесь неподалеку жил Лев Николаевич Толстой. Его дом сохранился. И он потрясающий! Но имен-

2.

4.

но на пересечении лучшего, что есть в современном английском дизайне, и русских традиций, мне кажется, и может возникнуть аура этого места.

Наш разговор подходит к концу, но я решаюсь задать вопрос, который давно не давал мне покоя.

– Как вы думаете, Дейв, почему русских так притягивает все английское? Почему они готовы тратить сумасшедшие деньги на иллюзию английской жизни, которой здесь никогда не было и вряд ли когда-нибудь будет?

Линли на мгновение замер. Этот вопрос был явно не из списка, одобренного PR-службой, но ему не захотелось отвечать на него формально.

– А вы знаете, я не считаю, что те, кто захочет поселиться в Knightsbridge Private Park, рискуют оказаться залож-

никами каких-то иллюзий. Напротив, они самые что ни на есть реалисты. У них есть все шансы стать активными пользователями самых современных технологий и потребителями самого продвинутого комфорта. Это только кажется, что Англия – остров вечного пятнадцатого чая со сконами. Все меняется. И Англия в том числе. Каждый день жизнь заставляет нас принимать решения, приравниваться к новой реальности, хочется нам этого или нет. Но, может быть, единственное, чему стоит поучиться у англичан, – это то, что мы стараемся не слишком спешить. Ничего не делаем рывком, с наскака. Все постепенно. Step by step. Никаких революций! И я полагаю, что русских именно это и привлекает в Англии. ☺